

“I went to the protest because I saw with my own eyes how the security forces shoot people” - a participant of the Minsk Peaceful Protests, Valeria Pozdnyakova, about the decision to fight for an honest future, the detention of her brother by the KGB and solidarity.

«Я вышла на протест потому что своими глазами увидела как силовики расстреливают людей» — участница Минских мирных протестов, Валерия Позднякова, о решении бороться за честное будущее, о задержании брата сотрудниками КГБ и о солидарности.

Валерия, ты переехала в Беларусь из Узбекистана в возрасте шестнадцати лет, насколько ты была вовлечена в общественную и политическую жизнь страны?

Я всегда была абсолютно аполитичным человеком. Каких-то больших знаний в этой области у меня нет и я никогда не состояла ни в каких оппозиционных движениях. До сего момента, для меня конкретно все движение оппозиции виделось в как какой-то национальной обособленности. Я же придерживалась всё-таки мира во всём мире и, конечно, не разделяла националистических взглядов.

Я ясно понимала, что что-то в нашей стране происходит не так. И понимала что это во многом из-за вертикали власти, которая направлена больше на содержание личных интересов правящей власти. Меня всегда очень тревожило отсутствие свободы в Беларуси. Мы очень милицейская страна. У нас очень много милиции даже в обычное мирное время. Вроде бы когда милиции много, но когда ты нуждаешься в помощи, они никогда ничего сделать не могут. Что касается помощи в домашнем насилии, тебя вначале должны убить как минимум чтобы они тебе пришли и помогли.

Также тревожило то, что нас очень сильно ограничивают; например в выборе ведения бизнеса. Это такие остатки советского прошлого, где если у тебя есть государственная крыша, то твой бизнес преуспеет, а если нет, то тебе будет сложно в конкуренции с теми у кого есть эта крыша. Еще всегда было стыдно за то, насколько Лукашенко безграмотен, что называл женские ноги копытами, а народ — овцами. Меня всегда это возмущало, но в оппозиции я не состояла.

Но всё изменилось в момент наступления пандемии. Когда нужно было что то делать чтобы спасти людей, наш президент говорил нам, что “вирусов не существует вы их видите? - нет, и я не вижу - их нет.” Он бросил врачей сражаться с этой проблемой один на один как могут. И вместо оказания какой-то поддержки, государство наоборот призывало выходить на рабочее место, проводило парад, куда добровольно принудительно зазывали людей, тем самым распространялся вирус еще больше и говорили нам: “зачем вы одеваете эти намордники?” И тогда я поняла, что государство не на стороне народа, а что оно

преследует свои какие-то экономические вопросы обманывая население. Я и до этого понимала, что власть давно пора менять. Но вот с этого момента наверное пришло осознание того что либо сейчас либо никогда. Потому что “26 - долго, а 5 - еще дольше.” И тогда я бесповоротно решила, что я за перемены.

Расскажи пожалуйста, какие у тебя были ожидания от выборов? Думала ли ты, что они будут, мягко говоря, не из честнейших?

Да, это было предсказуемо что Лукашенко нарисуют победу. Но может если бы ему нарисовали 52% 53% или даже 56%, то возможно такого бы протеста не было что есть сейчас. Возможно люди бы поверили и сказали ‘ну значит нас меньше, значит мы еще не настолько объединены и едины в своем решении.’

В прошлый раз Лукашенко выборы дались очень легко потому что там не было ни единого кандидата за которого бы можно было проголосовать; и на те выборы я не ходила так как не видела в этом никакого смысла. Это были просто какие-то пешки непонятные. А в этом году я увидела хороших кандидатов, хорошие предвыборные кампании Виктора Бабарико и Валерия Цепкало. Эти два человека меня очень заинтересовали – я отдавала за них свои подписи. Это было как глоток свежего воздуха, как свет в конце тоннеля и хотелось за этого человека проголосовать. Но нам не дали и к сожалению мы уже тогда поняли что и не дадут. И вот первая волна негодования пошла, когда посадили Бабарико, сфабриковав дело за два дня. И тогда же зародилось и мое и общее желание как-то этому противостоять и не мириться с этим как это было раньше.

Мне всем сердцем хотелось верить, что все будет по-честному, красиво. Но после того как арестовали Бабарико и позднее не допустили до выборов Цепкало, я поняла что тут конечно честности никакой не будет. Но я все же честно выполнила свой гражданский долг: сходила на выборы и проголосовала за штаб Тихоновской (объединённый штаб Бабарико, Цепкало и Тихоновского). И мой голос конечно был за Тихоновскую. Моя вся семья и моё окружение Полностью и целиком проголосовала также как и я. Я не знаю никого в своем окружении кто бы проголосовал за Лукашенко.

Я очень внимательно следила за ходом выборов на своем участке, когда непосредственно сама голосовала. У нас даже *была такая общая договоренность среди людей которые голосовали за объединенный штаб и за Тихоновскую как за лидера этого штаба, что бюллетени будут складывать либо трубочкой, либо гармошкой.* И поскольку урны были прозрачные, то было видно насколько много там этих трубочек и гармошек, и видно было, что там прямых листков можно было по пальцам пересчитать. Я видела что народ идет голосовать; и столько голосующих людей, такой очереди я никогда никогда не видела в Белоруссии хотя в Беларусь я приехала в возрасте 16 лет. Я раньше видела эти пустующие избирательные участки, а в этот раз явка была невероятная. И когда мы увидели уже на первом этапе эти 80% – это был максимальный шок. И пошла первая волна негодования.

***Почему, как ты думаешь, именно в этот раз люди вышли сказать свое слово?
Почему вышла ты?***

Мы вышли потому что мы реально увидели кандидата за которого хотели голосовать и которого нам не дали выбрать посадив его в тюрьму. Потому что мы видели как шаг за шагом нас пытаются обмануть. Потому что нет сил больше терпеть это вранье. Я не могу вспомнить почему я не вышла на протест 9 августа — наверное потому что не ожидала, что люди вот так вот выйдут еще до окончания выборов. Я проголосовала и поехала заниматься своей йогой или еще что—то. И уже с 9-го числа не было интернета.

А 10 августа я увидела как 9-го числа жестоко стреляли в мирных людей, которые хотели быть доброжелательны к сотрудникам милиции и к ОМОНу — они выкрикивали 'Милиция с Народом!' 'Опусти Щит!'. Увидела я это еще и непосредственно с кадров снятых моей мамой. Так получилось, что моя мама работает в организации, офис которой находится непосредственно там, где это все начало развиваться — близ Стеллы, гостиница Юбилейная — и они, которые, так сказать, имеют билеты в первый ряд, наблюдали за всем этим. Они боялись подходить к окнам, но мама сделала пару съемок. И когда она пришла домой и показала все это, я не могла в это поверить. Что это? Как это? Я не верила, что так можно просто приехать и расстрелять людей. Я не верила и до сих пор, наверное, не верю; но я увидела своими глазами как силовики расстреливали людей и с того момента поняла, что пути назад нет. И на следующий день я уже осознанно вышла на протест потому что я считаю, что так не должно быть.

Конечно мы не только ожидали, что выведут силовиков, мы знали, что это будет потому что Лукашенко нам всегда об этом заявлял. И нам, конечно, говорил с телека усатый, что будет очень жестко разгоняться любое сборище. Но то, что начало происходить было не жесткостью. Это было убийством.

И когда стали задерживать массово людей стало ещё понятнее, что пути назад нет. Я вышла потому что было страшно за этих людей, страшно было что с ними будут делать что хотят, осудят их на сколько хотят, если не попытаются их освободить если не потребовать их освобождения. Нужно было продолжать протесты чтобы силовикам некуда было арестованных людей девать. Мы думали пускай они забирают ещё больше и ещё больше, чтобы произошел какой-то невероятный коллапс. И так и вышло — 13-го числа на Окрестина приехала замминистра министерства внутренних дел и дал распоряжение о том, чтобы освободили всех задержанных. Конечно освободили не всех сразу но постепенно стали освобождать.

Еще я вышла потому, что я поняла, что один за всех и все за одного. Я понимала, что конечно если выйдет 3 или 4 человека, то это тоже хорошо. Но каждый должен нести свою гражданскую позицию. Я считала, что просто должна была выйти. Я хотела показать свой голос посмотреть на других таких же людей которые проголосовали также как и я. И еще я хотела посмотреть на те 80%, которые, якобы, проголосовали за действующего президента.

Я не видела другого пути. Точно также как его не видели мой брат, моя сестра, мои родители, также как это сделали мои друзья. Как я могла выбрать остаться в стороне? Тогда зачем я вообще живу в этой стране, если мне все так безразлично? *То есть это был уже какой-то момент гражданской позиции, момент ответственности за то, что будет дальше происходить.*

Расскажи пожалуйста об атмосфере, которая была в самом начале того как вы вышли и как дальше развивались события?

Мы вышли стихийно потому что не было никакой связи кроме мобильной. И так как не было интернета, не никакой связи кроме телефонной, мы созвонились с друзьями и договорились встречались по линии метро. То есть мы вышли на станции метро ближе к нам и оттуда уже пошли к центру. Мы хлопали в ладоши и пели песни Виктора Цоя, которая получила уже вторую жизнь, “Перемен” – мы требуем перемен! – А также это такой негласный гимн штаба Бабарико, Цепкало и Тихановского - “стены рухнут рухнут рухнут...” Эта песня есть и на польском языке и на русском языке. И вот в Минске преимущественно распространён русский язык. И так что пели мы на русском языке.

Но попеть нам долго, конечно, не пришлось. Ближе к центру мы были заблокированы постом. И через 15 минут когда мы добрались до большой толпы, по толпе пошел слух, что едет ОМОН. И действительно через пять минут приехал ОМОН и сразу же без предупреждения началась стрельба по людям в виде слезоточивого газа, шумовых гранат, резиновых пуль. Все стали разбегаться. Было очень страшно. Мы бежали через дворы, потому что думали, что туда не будут бросать гранаты. Но оказалось не так - гранаты туда бросали тоже. Я видела как и на крышах домов взрывались эти бомбы. Одна из гранат упала и взорвалась в 15 метрах от нас. Так получилось что в этот момент я смотрела в другую сторону и только услышав хлопок, поняла что это совсем рядом. В общем бежали мы быстрее спринтеров.

Мы заранее договорились с компанией, что если мы разбегаемся, а в случае если будет происходить то, что происходило девятого числа, то будем встречаться в определённом месте. Так получилось, что недалеко от того места где происходил митинг, живёт моя сестра, вот мы и собирались в ее доме. И уже из её дома, с 18-го этажа мы наблюдали за всем происходящим с замиранием сердца, с ужасом потому что такого за свою жизнь никому никогда не доводилось видеть воочию - как твой Минск сверкает, врывается, дымит, слышны людские крики. Сейчас я уже могу говорить об этом, а в тот момент я даже не могла говорить я просто захлебывалась потому что *как? Как можно стрелять в стоящих мирно людей, которые не стреляют, не нападают, не вооружены?*

Как ваши родители относятся к тому, что ты, твои брат и сестра участвуете в протестах? Пытались ли они отговаривать вас выходить?

Конечно родители безумно волнуются и безумно переживают. Но они видят что препятствовать этому бесполезно. Они с одной стороны очень переживают, а с другой стороны очень поддерживают и разделяют это желание и стремление. У меня например иногда нет сил идти, но я иду потому что туда идёт брат и сестра. Потому что мне лучше быть рядом и осознавать все и как-то контролировать ситуацию. А родители, получается, выпадают в этом плане контроля из ситуации. Конечно они всегда стараются звонить, смотреть стримы Радио Свободы, стримы Белсат, для того, чтобы знать что происходит в городе и информировать нас об этом по телефону, потому что когда выходишь на митинг, то интернета там нет или он с большим трудом работает.

То есть хоть родители переживают и не хотят чтобы что-либо с нами случилось, они понимают, что это нам жить в этой стране и в этом мире дальше. И они понимают что невозможно оставить всё как есть. Ну вот как представить что можно взять и простить и дальше спокойно жить с этими правителями под одним небом. Сейчас абсолютно непонятно во что это все выльется, но напряжены сейчас не только мои родители и родители Беларуси, ну наверное родители всего мира. Друзья мои из Ташкента и те, кто жили в Ташкенте, а сейчас живут в других странах мира постоянно пишут, спрашивают, пишу со словами поддержками со словами поддержки и желают, чтобы вот эти наши страдания мучения переживания вылились что-то прекрасное. И я верю, что оно в это выльется непременно.

В нашей переписке ты поделилась, что твой брат Дима пропал, что его задержали. Расскажи пожалуйста об этом? Расскажи, пожалуйста, как удалось его найти?

Диму задержали 11-го числа. Обычно мы держались вместе как могли с друзьями с братом сестрой и выходили все вместе. А вечером того дня я не вышла потому что была обессилена. И я попросила Диму тоже не ходить, на что он мне ответил, что все будет хорошо, так как он с друзьями поедет на машине — они хотели проехать, посигналить и таким образом поддержать мирных протестующих. И вот они уже проехали и хотели ехать за своим другом, который находился недалеко от нашего района Каменная Горка. И именно 11-го числа там, на Каменной Горке, был ОМОН-овский беспредел: массовые зачистки дворов, скамеек, парков. Дима и его друзья об этом знали – знали потому что у них, как и у всех, был установлен телеграмм канал NEXTA, на котором хоть как-то можно было отслеживать происходящее. И задерживались все поголовно без различия того идёшь ли ты на митинг или просто по своим делам. И самый большой беспредел начался, когда они стали выдергивать людей из машины; они стали бить машины и вытаскивать оттуда людей.

Вот так произошло и с Димой. Они ехали уже по направлению домой после того, как забрали своего друга из района Каменной Горки и когда они стояли на перекрёстке, к ним со всех сторон подошли люди в гражданской одежде; они дернули за ручки дверей, но так как машина была заблокирована, стали бить стекла в машине - выбивали они их всевозможными оружием и пистолетами. Стекла не поддавались и Дима с друзьями стали

уезжать от них, в ответ на что эти люди стали по ним стрелять — и по рассказам ребят, эти люди целились прямо в их головы. Они полностью разнесли им заднее стекло; но ребятам всё-таки удалось уехать.

Они приехали к нам на район, поставили машину на стоянку, которая ни с какой стороны не просматривалась и попросив у незнакомых людей скотч и пакеты пытались как-то заделать дырку, которая теперь была вместо заднего стекла. И пока они этим занимались, подъехали три машины – три знаменитых синих микроавтобуса – оттуда выскочили сотрудники. То что это были сотрудники Дима и его друзья поняли сами – эти люди не были одеты в какую-либо познавательную одежду; они были одеты в чёрном и на них были одеты чёрные маски. Это не были сотрудники ОМОН, это было какое-то другое подразделение, типа антитеррористического спецназа. Силовики обыскали машину ребят и забрали патроны пуль из которых они обстреляли машину — чтобы не оставлять следов наверное. И после этого они были доставлены в КГБ.

Это все я узнала от Димы уже потом. А в ту ночь, поговорив с ним крайний раз в 10:30 и позже поняв, что у него отключен телефон, я не спала, очень переживала. Я звонила друзьям и знакомым, но никто ничего не знал. И в 6 утра 12 августа я поняла, что включили интернет и начала искать Диму по всем соцсетям. В Телеграмме я нашла волонтерскую поддержку, группа “Вясна”, где мне дали номера телефонов всех РУВД: Жодино, Окрестина — КГБ нет, так как в КГБ, к сожалению, позвонить нельзя — и с сестрой я нон-стопом звонила на эти номера. Но трубку никто не брал, а если и брали, то говорили, что нет списков задержанных. И только в 16:00 12 августа, мы дозвонились в службу 102 и нам сказали, что, да, списки задержанных пришли, но Димы в списках задержанных нет... Это было ужасно слышать, так как я уже знала, что на Каменной Горке было 32 погибших... Меня хватил паника и ужас. Господи, что говорить маме, которая звонит и спрашивает как мы? У нее и так слабое сердце после COVID-19.

Через какое-то время мне перезвонили и сказали, что Диму нашли в списках — что он в Жодино. И я поехала отвозить Диме теплые вещи. Я приехала туда, но не увидела его имени в списке. Там мне сказали, что этот список может быть не точным и что он может быть здесь — было видно, что эти люди в Жодино очень хотели помочь — поэтому они приняли посылку для Димы. На следующий день, 13 августа, так как я понимала, что Дима может быть и не в Жодино, я стала снова мониторить списки, которые вывешивала Вясна и другие паблики. И в этот же день приехал Барсуков и заявил, что к 6 утра следующего дня все задержанные будут отпущены и, что никого из задержанных не мучали. И вот в 6 утра 14 августа позвонил Дима с незнакомого телефона и сказал, что скоро его привезут домой — это был номер волонтера.

И у Жодино и на Окрестина круглосуточно дежурили волонтеры — люди, которые имеют время и машины; это были и медики, которые оказывали какую-то помощь, обрабатывали раны и тому подобное; также это были люди, которые организовали кухню, куда люди приносили медикаменты, еду, воду и кто что мог. Волонтеры Вясны оказывали психологическую поддержку родителям задержанных девчат и ребят. Это потрясающие

люди. Они давали списки задержанных, координировали, прорабатывали списки. Когда людей отпускали из изолятора, то волонтеры им помогали. Всех выпускали без личных вещей (Димины вещи тоже до сих пор лежат на Окрестина) и поэтому у них не было телефонов кому-то позвонить. И поскольку эти прекрасные, невероятные люди, там днем и ночью дежурили, то как вышел Дима, то сразу вызвался парень, который сказал, что отвезет Диму домой и дал ему телефон — Дима сразу позвонил мне и нашей сестре Олесе, сказал, что едет из Окрестина и его этот волонтер парень привез домой.

Тогда меня охватил новый поток ужаса, так как я знала, что из Жодиного ребята выходят целые, так как там достаточно неплохо относились к ребятам в то время как в Окрестина была лютая дичь. Я с ужасом ждала в каком состоянии Дима приедет домой. Когда я по телефону спросила у Димы как он, он сказал, что 'по сравнению с другими, я — просто отлично'. И когда он приехал домой это бы просто счастье: да, у него были ссадины, синяки на лбу, черные следы от стяжек на запястьях, но по большому счету он был цел. А почему цел? Дело в том, что ему очень повезло. Ему повезло, что их задерживал не ОМОН, а другое подразделение — другие подразделения задерживают жестко, но без зверств. Также ему повезло, что он не сразу поехал в Окрестина — что сначала его отвезли в КГБ, а потом во Фрунзенский РУВД. Еще повезло, что его привезли на Окрестина уже днем, а не ночью, ведь именно ночью силовики устраивали вот эти убийства людей дубинами. В Окрестина Диму доставили днем и он со всеми остальными задержанными простояли на коленях целый день, но силовики днем не свирепствовали.

Дима рассказывал, что при задержании, когда он принял позу — встав на колени, руки за спину — кто-то из сотрудников его ударил по голове берцем и он влетел в асфальт головой. И перед тем, как Дима полностью потерялся от удара, он услышал, что один из сотрудников закричал тому, кто ударил: "ты что творишь?" От этого удара у Дима на голове ссадина; но не очень глубокая. Также Диму неоднократно били электрошоком, когда везли в КГБ. И в КГБ пытали электрошокером — они пытались выяснить, кто информатор, кто платит деньги, где деньги, кто координирует — а так как этого ничего нет, то им нечего было ответить. Во время одного из разговоров, один из сотрудников сказал Диме, что 'если ты будешь сейчас как не так себя вести или не будешь делать то, что тебе говорят, то мы сейчас быстро из тебя наркомана сделаем, на раз, два; и ты пойдешь еще и по этому делу...' То есть вот такая безнаказанная, ничем не контролируемая ерунда.

Потом, когда Диму перевезли во Фрунзенское РУВД, ему там тоже удалось избежать сильных ударов. Когда привезли в Окрестина и он бежал через коридор в тубин — там есть такой момент, что когда из автозаксов выходят задержанные, то их заставляют бежать по коридору согнувшись вниз, а в это время сотрудники машут дубинками и пытаются ударить бегущего — он пробежал так быстро, что ни одна дубина не успела его 'встретить.' То есть ему лично мало досталось, но он видел как других били очень сильно и ночью в Окрестина слышал, как кричали люди. Несмотря на то, что у Димы ушибы были неглубокие, мы поехали в больницу и зарегистрировали травмы — и когда мы были в больнице, мы видели там много ребят вышедших из изоляторов и было страшно смотреть на их следы побоев.

В этот период, начиная с девятого числа, моих родителей не было в городе – они не участвовали в мирных демонстрациях. И это очень хорошо, что их не было в городе, что мама не видела этого всего. Если бы она не узнала, что пропал Дима, то она бы этого могла или не пережить или пережить очень с печальными последствиями, потому что у неё после COVID-19 очень ослаблено сердце. Пока мы не нашли Диму и не убедились, что он в порядке, мы ничего не говорили родителям.

Я знаю, что ты и сейчас выходишь на протесты. Расскажи про атмосферу которая преобладает сейчас?

Да, мы и по сей день выходим с компанией друзей; и там знакомимся с людьми непосредственно на митинге – это очень добрая очень классная атмосфера; это улыбки и такой единый дух. И когда ты видишь этих людей и понимаешь, что вас большинство, то охватывают слезы счастья. Пожилые люди, которые не могут выйти, поддерживают нас с балконов своих квартир. Люди и глубоко-пенсионного возраста — дедушки с палочками приходят на протесты просто постоять, так как в шествиях они не могут участвовать. Они выходят с листочком А4, на котором карандашом нарисована красная полоса символизирующая флаг - чтобы постоять и поддержать нас.

Очень трогательно, когда бабушки поддерживают: у них нет флагов этих красно-белых, но они брали полотенца или две майки, две футболки красного и белого цветов и махали ими; а некоторые просто стоят на балконах подняв кулак вверх и показывая тем самым нам свою полную поддержку. Это очень ценно. Еще *на улицу выходят старенькие женщины с надписью на листке: «дети мы с вами!» «дети, мы в вас верим!»* И вокруг так много людей которые поделиться с тобой бутербродом, какой есть едой, чая тебе нальют, воды и тебе дадут, Ты кому-то что-то дашь. То есть это такой дружеский единый организм. Так с 10-го числа каждый день в меру возможности и в меру сил я выхожу. И сейчас не вижу смысла останавливаться, потому что иначе зачем было рисковать своей жизнью и выходить вообще.

Беседу вела Камила Орлова, MA in Human Rights at Columbia University